

Но в то же время я увидела, что фусума осталась открытой. За ней находился маленький, изящный буддийский алтарь. Невольно мои шаги затихли, и я направилась к фусума.

«Дзинь!» - раздался звук.

Я поняла, что это нежный, протяжный звук, который, похоже, дает людям время вспомнить свое тело, разум и прошлое. Однажды я уже издавала такой звук... прямо перед буддийским алтарем в этой японской комнате.

Я заглянула за фусума. В комнате не горел свет, но я видела спину человека, стоящего на коленях в сэйдза на татами, как и подобает ритуалу. Прямо в комнате находился чистый, изящный на вид буддийский алтарь. Я не могла разглядеть его четко, так как было тускло... но там была фотография женщины лет двадцати пяти.

Кана Иридо - так, как я слышала, ее называли.

Это был буддийский алтарь в честь настоящей матери Мизуто Иридо.

Мизуто продолжал держать ладони вместе не менее десяти секунд. Наконец он поднял голову, посмотрел на фотографию покойной, и через некоторое время встал, повернул голову и заметил меня, стоящую у входа.

- Ты подглядываешь? - он принял свое обычное отстраненное, пустое выражение лица, укоряющий взгляд.

Я проигнорировала его колкость и вошла в комнату. Сев на сэйдза на скатерть перед алтарем, я взяла маленький жезл и осторожно постучала в золотой колокольчик.

Раздался долгий звон.

Я сложила ладони вместе и закрыла глаза. Через какое-то время подняв голову, я увидела, что Мизуто, который уже встал, сидит, скрестив ноги, рядом со мной. Он молчал, на его лице сохранялось безэмоциональное выражение. Он продолжал смотреть на алтарь, и я осторожно начала разговор:

- Ты, уже не помнишь, да?

И Мизуто тут же ответил на мой вопрос, который не имел ни цели, ни темы:

- Я слышал, что она была нездорова с самого начала.

Его ответ тоже был напряженным, но я поняла, что он имел в виду. Полагаю, беременность истощила ее силы. И... она ушла в загробный мир еще до того, как Мизуто дорос до осознанного возраста.

- Эта фотография - единственное, что я знаю о ее внешности. Я не знал всего о том, как она

говорила, что ей нравилось или не нравилось. Отец никогда не упоминал об этом - ну, имя Мизуто - единственное, в чем я уверен - она дала его мне.

Больше месяца назад, когда мы с мамой только переехали в этот дом, первым местом, которое мы посетили, была не гостиная и не наши комнаты, а эта комната. Мы с мамой сидели перед алтарем и хлопали в ладоши, приветствуя родную маму Мизуто. В тот день моя мама глубоко склонила голову и сказала:

- Мне очень жаль. Пожалуйста, позаботьтесь обо мне.

В этом доме еще оставалось место для одного человека. Мама извинилась, не успев договорить, и попросила прощения, опустив голову.

Тогда Мизуто присутствовал при этом... с тем же пустым взглядом. Существование его матери было впечатано в его имя. И дядя Минеаки, и моя мама узнали мысли, которые оставила после себя умершая.

Но у самого Мизуто ничего не осталось от неё. У него не было ни мыслей, ни воспоминаний, и он знал о ней так ничтожно мало. У него реально ничего не было, но фрагмент несуществующей матери был запечатлен на нем... неудивительно, что он ничего не мог сделать. Неудивительно, что у него не было никаких мыслей.

Что еще бы он сказал? Кроме как вообще ничего?

Никто не дал ему ответа на этот вопрос.

И вот - его пустое выражение лица.

- Слушай... - тихо прошептала я.

- Хм? Что? - растерянно проговорил Мизуто.

Я подошла и осторожно коснулась его плеча своим...

<http://tl.rulate.ru/book/61188/2395150>